

6. Лысенко, П.Ф. Открытие Берестья. – 2-е изд., дополн. – Минск: Белорусская наука, 2007. – 181 с.
7. Strykowski, M. Kronika Polska, Litewska, Zmódzka i wszystkiej Rusi. – Warszawa: Nakład Gustawa Leona Glücksberga, Księgarza, 1846. – Т. I. – С. 203.
8. Długosz, J. Dzieje Polski. – Krakow, 1868. – Т. II.
9. Великая хроника о Польше, Руси и их соседях XI – XIII вв. / Под редакцией В.Л. Янина. – Москва: Издательство Московского университета, 1987. – С. 122.
10. Ткачѳв, М.А. Замки Белоруссии. – Минск: Польша, 1987. – 222 с.
11. Ткачѳв, М.А. Замки Беларусі. – Минск: Беларусь, 2005. – 200 с.
12. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли. – Минск: Наука и техника, 1974. – 199 с.
13. Энциклапедыя ВКЛ. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – С. 318–319. – Т. 1.
14. Документы Московского архива Министерства юстиции / Под ред. М. Довнара-Запольского. – Москва: 1897 – Т. 1. // Описание старосты Берестейскаго 1566 года. – С. 205–448.
15. Puffendorf, S. De rebus a Carlo Gustavo Sueciae Rege gestis commentariorum. – Norimbergae, 1696. – Libri septem. – Urbs et castellum Brestzie Litewski.
16. Plan de l'ancien château DE BRZEŚĆ // РГВИА г. Москва. – Ф. 349. – Оп. 4. – Дело 129. – Л. 1 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
17. Kotljarchuk A. In the Shadows of Poland and Russia. The Grand of Lithuania and Sweden in the mid-17th Century. – Sodertoms hogskola, 2006. – 348 s.
18. Plan von der Stadt BRZESC in Lithauen. G.M.v. Fürstenhoff. – 1740. – XX 160 (предоставлен Брестской областной библиотекой им. А.М. Горького).
19. Квитницкая, Е.Д. Белорусские коллегиумы XVIII в. // Архитектурное наследие. – Москва, 1972. – Т. 19. – С. 12–26.
20. Белы, А. Пляны гарадоў Беларусі з калекцыі Яна Георга Максымільяна фон Фюрстэнхофа. [Электронны рэсурс]. – 2008. – Режим доступа: <http://bely.litvin.org/fursten.htm>. – Дата доступа: 26.05.2008.
21. План 1807 года г. Брест-Литовска с означенной вновь прожектируемой крепостью // РГВИА г. Москва. – Ф. 349. – Оп. 4. – Дело 124. – Л. 1 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
22. План 1823 года г. Брест-Литовского и м-ка Тересполья// РГВИА г. Москва. – Ф. 349 (предоставлен сайтом ibrest.ru).
23. Żuk-Rybicki T. Pamiętniki. – Manuscript. – S. 383–434.
24. Пиваварчыч, С. Невядомыя раскопкі Брэста ў 1938 годзе // Гістарычна-археалагічны зборнік. – № 14. – Мінск, 1999. – С. 171–177.

Материал поступил в редакцию 25.10.11

GLADYSHCHUK A.A. Historical Topography of Beresty Castle

The first dated record of Beresty Castle is listed in the article. Based on comparison of the castle's squares on topography plans it was shown that castle was dramatically changed in 17th century. Possible length of northern wall is equal to distance between dominated towers (before they were ruined).

УДК 94(476,7)

Никитчик А.Д., Никитчик Т.А.

ПЕРВАЯ БЕРЕСТЕЙСКАЯ МАГДЕБУРГИЯ. СОБЫТИЯ И ПОДРОБНОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ И ИСТОРИИ

Среди множества событий, касающихся Берестья и документов их освещающих, то ли скрытых в тумане политического замалчивания, то ли неизвестных, то ли легендарных, то ли просто надуманных и образованных историческим серпантинном существования города, ярко отличается трагизмом, своей неординарностью, кровавыми политическими интригами, периодическим межконфессиональным озлоблением век XIV, точнее его последнее двадцатилетие. Ведущее место в этом периоде принадлежит событию, поднявшему северную столицу Руси или южную столицу Литвы - Берестье до уровня первых городов Литовского государства. Этим событием является появление Магдебургского права у русского¹ по духу города Берестья. В массиве сегодняшних знаний о городе и, в частности, о трагедии Берестья 1390 г., представлении событий, вокруг г. Берестья происходящих незадолго до второй войны гедиминовых внуков и приведших в итоге к появлению персонифицированного неопределенного конфронтационного военно-политического акта, данного городу, произошли большие подвижки. Однако массив этих знаний стал еще более многосложным, уже более высокого уровня. Детали и акценты, составляющие его, приобретают повышенную ценность.

В споре первенства в получении городских свобод по немецкому праву для двух первых городов Литовского княжества, первый из них, пионер этого процесса, оказывается первенство уступившим. Получение Магдебургского права Вильно было напрямую связано двумя стратегическими посылами: 1. Сделать Вильно мощной столицей Литвы и 2. Приравнять ее к столице Польши Кракову [1, с. 81] и другим

европейским городам. Что в этой мотивации превалирует, сказать трудно, поэтому стремление образовать столицу из Скиргайлового Вильно породило документ 1387 г. с таким скомканным содержанием. Это была просто декларация планов на перспективу, обозначение вектора, по которому пойдет развитие. Назначая старосту главой всей судебной системы и сохраняя существующие юрисдикции, радикально нового, полноценного тевтонского права город не почувствовал. Одним из главных доказательств такого введения М.п. в Вильно было не устранение старостинским судом связи окрестного населения старосты со своим юридическим начальником. Кто был в присуде старосты до 1387 г., те же остались после. Самое несоответствующее немецкому праву событие – в Вильно не произошло отделение города от общины. Очередным доказательством виленского Магдебургского казуса является лишь обещание короля подтвердить привелеи по возвращении в Краков. Очень интересный правовой прецедент с Вильно еще ждет своего разрешения. Единственный раз в практике короля Владислава было то, что он предложил переутвердить свое решение. Тогда первое (1387 г.) было каким? Поспешным, сырым, абстрактным, сверхмодернистским? Оставим Вильно на суд историков, нас более интересует Берестье.

Повод к наделению города немецким правом мог случиться несколько позже, при установлении крепкой централизованной власти одного из Великих князей Литовских с ясными политическими и экономическими мотивами. Время поиска консенсуса спалось, и так случилось, что два пионерных события – Вильно (1387 г.) и Берестье (1390 г.) – открывают новую эпоху в истории Города. Основной процесс взрывного количества пожалований немецкой экономической **Никитчик Анатолий Данилович**, инженер редакционно-издательского отдела Брестского государственного технического университета.

Никитчик Татьяна Анатольевна, студентка строительного факультета Брестского государственного технического университета.

Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.

¹ «Руский» (синонимы: «руский», «русский», «руський», «роуский») обозначает принадлежность города Берестья (Берестейской земли) по этническому и географическому признакам к территории Владимиро-Вольнской Руси и затем к Великому княжеству Литовскому. Берестейская земля с декабря 1322 г. находилась во владении Любарта Гедиминовича, в 1349 г. оказалась во владении Кейстута, в 1353 г. окончательно закреплена за ним, с 1378 г. находилась в унаследованном владении Витовта.

формы организации городов принадлежит лишь концу XV в., ко времени правления королей Александра Ягеллончика и Жигимонта I, т.е. почти на сто лет позже. События 1390 г. – это ранняя форма желаемой немецкой модели, наложенная на чуждый, пока неприспособленный и несовершенный организм литовских городов, раздетых войной. Что же произошло и явилось причиной такого необыкновенного приоритета?

Задаваясь вопросом: «почему король Владислав обратился к предложению немецкого права именно к Берестью, а не к иному другому городу», попытаемся найти ответ. Наделив по совету Рады коронной Вильно, король Владислав объявил и предопределил городу столичные функции. Король двух столиц – это весомо, но недостаточно. Краков со своей столицей и 7 землями Короны были во много раз меньше территории княжества Литовского, следовательно, и меньшего влияния. В громадной стране на востоке от Польши, после приобретения статуса верховного князя, в 1387 г. им была воссоздана первая столица Литвы, хотя и с ограниченными правами, скорее, конституция намерений немецкого права. Тот же амбициозный король Владислав, распаяемый Радой коронной, три года спустя пытается исправить положение и образовать еще один город, но уже с более совершенным устройством. Выбор был сложным: Вильно, Троки, Ковно, Городен, Луцк, Берестье – города-замки, находившиеся на линии разграничения сфер политического влияния Польши и Литвы – неустойчивого литовского меридиана (*instabiles Lithuaniae meridianaе*). В дальнейшем (в XVI в.) эта территория подтвердила свое название созданием целой цепи крепостей, храмов, замков. Первые три (Троки, Ковно, Городен) создавали бы столицу-спутник, напоминая о недавнем противостоянии огненного дзуга Вильно-Троки, ни под каким мотивом не заставили бы создавать очередной прецедент к неугасимой Литовской усьобице. Луцк, тяготеющий к сепаратному рускому определению, отвлекал на себя огромные потенциалы Польши, поэтому нового качества южной столицы не оправдал бы. Оставался Берестье, находившийся в самом центре стратегических претензий соседних государств, представляющий собой политическую доминанту, заселенную преваляющей русской (русинской) народностью. Город было решено восстановить, что следует из ряда дальнейших документов, наделять прогрессивными правами, т.е. из берестейского старства создать берестейский полис (выражаясь современным языком) и при его стратегическом географическом положении получить максимально возможный политический, экономический, военный, хозяйственный и культурный центр, т.е. воплотить в нем идею создания второй (южной) столицы Великого княжества Литовского. Важно заметить установившуюся очевидную связь между наделением немецким правом литовских и русских городов и стратегическими устремлениями краев, по воле польских королей, центрами которых они являлись. Начиная со середины XIV в., в каждом из завоеванных краев (земель) Корона выбирала один город-пионер, служивший столицей своей земли, на который возлагались определенные надежды, и вводила в нем немецкое право. Город Санок в пограничной с Польшей юго-западной Руси в 1339 г.; г. Львов в южной Руси в 1356 г.; г. Каменец-Подольский в подольской земле, восточнее галицкой земли, в 1376 г.; г. Перемышль – севернее г. Санюка в 1389 г.; г. Берестье на границе Волыни, Подлясья и Полесья в 1390 г.; г. Луцк на Волыни в 1432 г. Это означает, что появление права немецкого в перечисленных городах происходило посредством лоббирования польских интересов, а проникновение его на территории Руси и Великого княжества Литовского происходило с южной или юго-западной Руси.

В 1390 г. при переходе Берестья в новую конституцию «права тевтонского» были учтены правовые пробелы Вильно, имея целью совместить потенциал и возможности немецких городов с местным архаичным многоступенчатым устройством городской власти права русского. Время требовало город-полис, город-крепость, город-замок, как образец модели города будущего. В нашем случае, строительство нового явилось уничтожением предшественника. Балансированием между прежней и будущей формами устройства городов создавалась иная проблема – политический кризис, разрешившийся для города новой формой сосуществования города и земства, горожан и общины.

«В ВКЛ процесс адаптации немецкого права, как системы организационно-правового товарно-денежного хозяйствования средневековья, был несколько запаздывавший, впитавший много индивиду-

альных черт, отличающих его от других стран. Необходимо заметить, что Магдебургское право в ВКЛ появилось не в результате желания мещан, стремящихся к получению самостоятельного статуса в процессе его осуществления, но в результате императивной деятельности правителя» [1, с. 80]. О побудительной мотивации королевского императива сказано несколько выше.

Целая цепь военно-политических событий, составляющих трехлетнюю подложку хронологии событий, явилась тем прецедентом – мотором противостояния, который предопределил трагический исход событий. Хронология, подробно исследованная и выстроенная, очень объемна для журнальной публикации, поэтому здесь опущена и представлена в полной версии работы по «Первой берестейской магдебургии».

Что представлял собой комплекс свобод, пожалованный городу в 1390 г., рационально узнать из текста самого привелея, приведенного в приложении.

Приобретение немецкого права для города, по мнению авторитетных ученых XIX в., исследовавших самое существо этой формы организации общественных отношений, означало:

1. Ослабление королевской власти и экономического влияния короля [2, с. 538], сначала в Польше, затем в Литве. Лишение его большей части финансовых прав [2, с. 519].
2. Изменение коренным образом быта сельских жителей. Наделение немецким правом разрушало связь земства с городом [2, с. 534].
3. Возникновение нового понятия о городе и городском сословии [2, с. 473].
4. Постепенный переход от «удельной и натуральной повинностей на денежный оброк – чинш (с волоки ¼ марки = 12 грошей)» [2, с. 537]. Устанавливалось конкретное количество повинностей в зависимости от величины участка.
5. Уплата прямой подати (поральной) 2 гроша лишь с возделанной земли, во время обработки неуплачиваемая [3].
6. Наделение каждого волокой (ланом) в вечную ленную собственность [2, с. 535]. По исследованию Линиченко, до немецкого права точно размеренных участков не было, земли русских крестьянских общин располагались в разных местах. С появлением немецкого права – в одном куске.
7. Введение войтов и «скабинов» (лавников) [2, с. 524].

Многие из перечисленных характеристик прямо или косвенно упомянуты в привелее БнМп от 1390 г.

Рис. 1. Памятный знак на ул. Советской в память 620-летия получения городом первого привелея на Магдебургское право. «Даруем на вечнаць права гарадское магдебургское, адхляючы иншыя правы польскія, літоўскія і рускія і ўсе иншыя звычаі, якія б былі не ўзгодзены з правам гарадскім магдебургскім» [4]. Текст знака с несколькими неточностями, отсутствующими в тексте привелея (городское право, права польские, литовские и русские, право городское магдебургское) появился из-за некорректного перевода.

Прежде сделаем замечание по истории документа. Сам факт наделения города немецким правом – событие достоверное, однако был опубликован только латиноязычный текст, до сих пор не имеющий перевода, что, естественно, серьезно препятствует и ограничивает доступ к его содержанию для анализа и научного исследования. По этой причине в исторических публикациях появляются всевозможные сведения ненадежного, т.е. не заслуживающего доверия, характера (рис. 1, рис. 2). События, персоналии, правовые и экономические категории, заключенные в этом документе, – целый пласт неизвестной информации, относящейся ко времени второй войны двоюродных братьев литовского князя Александра-Витовта и польского короля Владислава-Ягайло. В истории города это первый полноценный юридический документ, открывающий неизвестную на сегодняшний день конституцию административного, хозяйственного и военного устройства. Привелей открывает двухлетнее (1390–1392 гг.), уникальное сочетание существования города русских корней с временным польским протекторатом. Номинально город и виновник-прецедент всей его истории – замок после февраля принадлежали Литовскому князю, управляемому Великим литовским князем Скиргайло, но фактически были в управлении короля Владислава, его берестейского наместника Хинча из Рогова, при правовой поддержке членов коронной Рады.

Существенное отличие получения Берестейской привелеи 1390 г. от других привелей, предшествующих и последующих, то, что она выделяется нестандартной, индивидуальной последовательностью политических решений, в основе которых лежало не стремление к проведению локальной правовой и экономической революций в г. Берестье, а осуществление политической воли, диктуемой королем, по установлению монополии на власть в Литовском княжестве, при сложном внешнем окружении. Номинальный приоритет в получении привелеи на Магдебургское право в Литве принадлежит не Берестью. Приведенные даты хорошо иллюстрируют продвижение расширения сферы влияния польского государства и, как следствие, вместе с этим немецкого права на восток, что свидетельствует об усилении польского влияния и борьбы за обладание Русью.

Самое полное и качественное исследование этого привелея было выполнено Р. Боровым в 1994 г. [23], как оказалось, через 604 года после его получения. Полный текст перевода всего привелея не публиковался, что исключало возможность детального исследования самого документа и не позволяло заполнить пробелы в историографии города. Работа Борова основана на сравнении двух документов (Привелея берестейской магдебургии 1390 г. (король Владислав, Краков) и второй берестейской магдебургии 1408 г. (вел. кн. Литовский Александр, Вильно). Работа и выводы, сделанные в работе, на то время (1994 г.) стали событием пионерным, были основаны на достаточно полном комплексе источников для того времени, но недостаточном полном, с точки зрения дня сегодняшнего. Грамотный анализ текстов частично проблему снял, но полной картины детального исследования документа эта публикация не обеспечила, оставив за рамками работы ликвидированную структуру власти города, войтовский суд, наделение земель и следствие этого шага – налоги и мн. др.

Привелей Берестью на Магдебургское право (далее БнМп) показывает структуру управляющей городской вертикали (комплекс городских юрисдик), de-facto ликвидированную в феврале 1390 г., после взятия берестейского замка, de-jure исправленную привелеем 15 августа того же года в Кракове. До перевода этого документа общее правовое устройство города можно было только предполагать по работам Любавского, Пичеты, Щербича, Бандтке, Копысского, Линиченко, Владимирского-Буданова и многих других, где правовая подчиненность была упоминаема под общими фразами «все юрисдикции», «всякое подчинение», «от всякой власти». Это не противоречит концепции документа, но не раскрывает внутреннее устройство управления городом. Последовательность из девяти уровней власти (юрисдик или присудов), обозначенная привелеем, отражает их количество и подчиненность в строго оговоренном порядке, основанном на праве руском. Исследованные акты процесса зарождения магдебургий других русских и литовских городов XIV–XV вв. это подтверждают. По сравнению с другими примерами такого характера и

периода времени, это документ, представляющий самую полную цепочку взаимоподчиненных должностей, в руках которых находился не только город, но и прилежащие, иначе «тянущиеся» к нему территории староства.

Поиск собранных по крупницам упоминаний о существовании первоисточника (протографа) берестейского привелея указывает на Берестье. Этот первый документ, пожалованный городу, естественно должен был быть в городе.

Каким образом уцелели берестейские привелеи [5] в огне майского пожара 1525 г., когда в замке сгорел архив с тремя киевскими привелеями, а затем пожаров, с завидной регулярностью выжигавших город и замок в 1540, 1568, 1579, 1580, 1613, 1688 гг., неизвестно.

Не исключено, что ценные бумаги находились в одной из замковых веж, «зекгаровой», или тюремной, с архивом на верхних этажах. Не исключено, что до восстания 1831 г. берестейские документы могли находиться в одном из римско-католических монастырей. Ю.И. Крашевский упоминает причастным к берестейским документам Владислава Костюшко. В 1759 г. некий пан Костюшко (имени не указано) упоминается как владелец плаца на Замухавечье, который предназначался для основания еще одного монастыря *ritus romani*, отцов кармелитов. Плац располагался «с противоположной стороны замка» [6].

Еще один пан Владислав Костюшко упоминается в Актах виленской комиссии несколько раз как судья берестейский:

1. В инструкции депутатам на Варшавский сейм antecomicialnego (предсеймового) сеймика от брестского воеводства, состоявшегося 18 апреля 1701 г., среди подписей его делегатов значится В. Костюшко [7, С. 318].
2. Постановление дворян сеймика фискального, состоявшегося в Бресте 31 октября 1702 г., было предъявлено Владиславом Костюшко для внесения в брестские старостинские книги. Должность не указана [7, С. 335].
3. В постановлении дворян Брестского воеводства по вопросу *pospolitego ruszenia* (ополчения) от 16 июля 1703 г. Владислав Костюшко также упоминается без должности [7, С. 338].

Предполагая, что ему в начале XVIII в. было около 20 лет, (к 1842 г.), ко времени встречи с Крашевским он, естественно, не дожил бы.

Впервые текст 1-го привелея 1390 г. БнМп был опубликован в 1842 г. Ю.И. Крашевским [8, С. 175-176]. Неизменный виленский цензор Ян Вашкевич поставил допуск к печати 19 декабря 1841 г. По этой дате можно предположить, что Крашевский занимался подготовкой двух томов рукописи в предыдущие 1840-41 гг. К этому времени Крашевский поселился в Грудке на Волыни, когда был создан волынский цикл произведений Крашевского: «*Wspomnienie Wolyni, Polesia i Litwy*» 1840 г., «*Obrazy z podróży i życia*», в 2-х томах, 2 исторические повести, 3 повести на современную тематику, начал выходить «*Athenaeum*», много публицистики, первые публикации аутентиков.

Ю. И. Крашевский в X разделе «Брестских привелеев» пишет: «Привелеям, помещенным здесь по составу и полноте, мы обязаны любезному участию Пана Владислава Костюшко, который переписал их с фамильного собрания. Публично выражаем ему за это благодарность» [8, С. 175]. Судя по этой фразе, Крашевский с ним встречался, благодарил Владислава за содействие, тогда же, вероятно, получил не совсем корректные списки 3-х первых берестейских магдебургских привелеев за 1390, 1408, 1440 гг. и еще 6 берестейских документов. Этот же Владислав Костюшко передал Крашевскому копию документа, в котором исследуемый нами документ находится под № 1 и о нем сообщается так: «Оригинал по латыни, на пергамене с печатью привешенной на шелковом зеленом шнурке» [8, С. 175]. Эта существенная подробность (цвет нити и материал) есть свидетельство человека, видевшего документ, говорит о том, что сам оригинал документа мог находиться в 1840-е годы в фамильном собрании Владислава Костюшко. Кто этот человек, владевший семейным архивом с документами о Берестье, более подробно выяснить не удалось. Консультации с А. Бензеруком о месте нахождения протографа привелея и личности Владислава Костюшко ничего конкретного об этом человеке не добавили. Общение Ю. Крашевского с паном Владиславом происходило в начале 40-х годов XIX в., но не сказано, где именно это происходило. Искать Владислава Костюшку

в Бресте неоправданно, т.к. пребывания в городе Крашевского были чересчур эпизодические, лишь для проезда в Романов. Если бы такое общение произошло в Бресте, то оставило бы непременно следы в его биографии, установленной с точностью до дня, что могла прояснить Р.Н. Гусева.

Обращение к тексту первого привелея БнМп от 1390 г. следующий раз случилось лишь в конце XIX в., во время деятельности Археологической комиссии. В Санкт-Петербурге в 1887 г. в «Записке для истории внутреннего устройства и правовых отношений Литовской Руси с XIV по XVI вв.» профессора петербургского университета С.А. Бершадского, составленной по архивным материалам Санкт-Петербургского варианта Литовской метрики и прочитанной на заседании 5 мая 1887 г. профессором Замысловским Е.Е. [9], где в привелеях частно-правового характера под № 43 имеется запись: «Привелегия короля Ягайлы городу Бресту Литовскому от 15 августа 1390 г.». Заметим, в названии документа город назван Брестом и не упомянуто право немецкое. «Записка» Бершадского развития не получила, документ к исследованию не привлекался и не публиковался, хотя имелся в копии у него, по той причине, что он занимался работой над темой «Литовские евреи». Документ был оставлен без внимания и пролежал еще 12 лет, т.е. до времени издания Д.-Запольским в «Актах» в 1899 г.

Текст в издание «Акт» Довнар-Запольского заимствован из оригинала Книги Записей Литовских XXXV, л. 53 об.-54 об., находящейся в С.Петербурге. Эта книга, состоящая из 318 листов, у С.Л. Пташицкого значится так: «1551–1558. Метрика привелев, данин, потверженей и иных розных справ короля Его Милости Жигимонта Августа за канцлерства пана Миколая Радзивила, воеводы виленского. Переписана в 1596 г.» [10]. В конце текста латиноязычного документа [11, с. 2] имеется приписка «Nos privilegio fine caret» – «этот привелей не окончен». Беглый просмотр латинского текста показал наличие всех стандартных клаузул, что означает, что не окончен был какой-то иной документ. Не окончен был текст подтверждения привелея БнМп Жигимонта I от 1511 г. Документ 1511 г., который в свою очередь являлся частью текста неоконченного привелея аналогичного содержания для подтверждения его сыном Жигимонтом II Августом, т.е. Жигимонт II Август подтверждал привелей от себя, приводя утвержденные тексты ВСЕХ предыдущих привелеев от: 1390, 1408, 1440, 1495, 1511 (неполный) и свой собственный от 1554 г. (также неполный). В 1505 г. Александр дал привелей на подтверждение судебной власти войта. Не объяснено, почему два неоконченных привелея 1511 г. и 1554 г. могли войти в Метрику. Проблемы при копировании? В 1846 г. М. Балинский оставил лишь нарративное сообщение о этом документе, полный текст не поместив.

Необъяснимым также является факт многолетней задержки подтверждения привелея Жигимонтом II Августом, коронованным 20 февраля 1530 г., правившим вместе с отцом до Берестейского сейма 1544 г. и самостоятельно с 1544 г., т.е. лишь через 10 лет, в 1554 г., после необъяснимой паузы был выдан такой документ.

Текст интересующего исследование первого привелея БнМп приведен полностью. Формуляр документа позволяет провести его анализ. Исследование и настоящий авторский перевод основаны на тексте документа, утвержденного в Кракове в понедельник [12] 15 августа 1390 г., находящегося в «Актах», собранных и изданных под редакцией М.В. Довнар-Запольского [11, с. 1–2]. После Крашевского следы упоминания оригинала Привелея 1390 г. теряются, где находится протограф привелея БнМп, в настоящее время неизвестно.

Весь текст приведен в соответствии с протоколами формуляра документа, абзацы 2, 3, 4 относятся к основной (средней) части. Пунктуация документа сохранена неизменной, за исключением нескольких случаев, деформирующих текст, разделены некоторые слитно написанные слова. Имена, топонимика, должности переведены в привычные для работы выражения.

Привелей Берестью на Магдебургское право финализирован, как сказано выше, в Кракове в понедельник, в день Успения преславнейшей Девы Марии (ipso die Assumptionis Mariae Virginis gloriosae) 15 августа. Он был утвержден притиснением большой королевской печати, без подписи короля, что соответствовало канцелярским нормам.

Эту печать было предложено засвидетельствовать подписями на самом документе шестерым высшим сановникам Короны – Рады коронной, тем самым подтвердить решение короля и выразить мнение по этому поводу всех собравшихся в королевском дворце. Всего на документе должно находиться 6 подписей. Последовательность их перечисления вызывает некоторое непонимание. Каштелян не может упомянуться после подсудка, такое же замечание относится к подскарбию Димитрию (Дмитру), упомянутому после судьи и подсудка.

Подписи поставили:

- воевода краковский Спытек из Мельштына (Spichlone),
- каштелян люблинский Петр Кмита (Petro Kmieta)
- судья Драгон (Drogono)
- подсудок краковский Креслав из Курозвек (Krzესlao),
- каштелян бечский Пасек (Paschone),
- коронный подскарбий Димитр из Горая (Dimitrio).

Исполнение пергамента поручено канцлеру короля Владислава, канонику сандомирскому Заклике (Zakuze). В присутствии «многих других подданных, нашей веры достойных» берестейский привелей подписали: 1 воевода, 2 каштеляна, коронный подскарбий, судья и подсудок. На собрании изготовленный документ был зачитан, на него поставлена большая королевская печать Владислава и выполнены подписи шестью приближенными дигнитариями Рады коронной.

Не исключено, что на этом собрании присутствовал наместник берестейский Хинч из Рогова, назначенный королем на эту должность после штурма замка в феврале 1390 г., которому он мог быть вручен, как законному правителю города. Никого из старой довольно значительной администрации города в Кракове, вероятно, не было, т.к. частично они были убиты при штурме, казнены после взятия замка, некоторые из них с двором Витовта ушли в Пруссию. После зимних событий берестейский воевода Костко (упоминаемый в 1388 г.) в источниках больше не встречается.

Описание документа

Формуляр документа состоит из 3 протоколов (частей): вступительного, основного текста и заключительного – датации.

Вступительный протокол представлен тремя клаузулами: инвокации, интитуляции и инскрипции.

Клаузула инвокации, вступительного протокола, как правило, обращается к святому имени, излагая мотивацию документа, в нашем случае к Богу, представлена фразой «Во имя Бога аминь». На вечную память события».

В клаузуле интитуляции «Владислав, милостью Божьей король Польский ... наивысший Пан и наследник Померанский» указывается титул короля, соответствующий документам этого периода и тождественного характера. По необъяснимой причине из титула короля исчезло упоминание Руси. Этот казус подробно рассматривается в клаузуле корроборации. Перечисление королевских владений находится в действующем соответствии со значением и местом, занимаемым ими в структуре королевства, показывая его удельное устройство. Владислав-Ягайло здесь король Польский, далее – правитель пяти присягнувших ему земель (Краковской, Сандомирской, Серадзской, Ленчицкой и Куявской), далее – «princeps», т.е. верховный (первый, начальный) [13, с. 617] (князь) Литовский и «supremus» [13, с. 760] наивысший Померанский «dominus» [13, с. 244] господарь (пан, окормитель) и наследник. Полученная информация в последующем поможет установить предполагаемую печать привелея БнМп, рассматриваемую в клаузуле корроборации. Ягайло по отношению Литовскому княжеству носил титул верховного князя. Поставленный им на великое княжение князь Скиргайло титуловался Великим князем Литовским, который являлся князем подчиненным, по отношению к польскому королю, что явно отражено в документе.

Завершается вступительный протокол клаузулой инскрипции с обращением к адресату документа: «как нынешним, так и будущим, всем, кому необходимо».

Средняя часть формуляра, раскрывающая собственно само содержание документа, состоит из 4 клаузул: аренги, промультации, нарации и диспозиции, представляет классическую схему протокола средней части.

Рис. 2. Лист стилизованной летописи, представляющей события XIV в., с необъяснимой интитуляцией короля Владислава при наделении города Магдебургским правом. Памятник 1000-летию города. Брест, центр улиц Гоголя и Советской, 25 июля 2009 г. Фото автора

Клаузула аренды, объясняющая мотив выдачи документа, т.е. желания короля, начинается «Так как желая ... положение сделать лучше ... поддержать прирост», не раскрывая главной причины возникновения желания, ставшего побудительной основой этого документа. В документе нигде нет упоминания о предшествующих межкняжеских распрях, осаде, штурме, взятии замка. Нет даже малейшего намека на решение вопроса последующей судьбы города военным путем, затем, вероятно, казни воеводы, сотников и солдат берестейского замкового гарнизона, т.е. о полном разорении Витовтова города.

Клаузула промульгации (оглашения), т.е. объявления о конкретной воле экспонента (короля), начинается словами «самих из права русского ... в право тевтонское переводим навсегда», далее – «более того отделяем и освобождаем ... децких их же». Документ показывает, что Берестье, как и другие города витовтовой отчины (наследия по отцу): Городен, Каменец малый (ragvus), Дрогичин, Мельник, Сураж, Волковыск и др., находились в конституции права русского, что очень важно.

Следующая за этим нарративная клаузула перечисляет и описывает, что конкретно удаляется: «в то же время будет твердо удалена всякая присяга польская и руская и все обычаи», с уточнением и перечислением в клаузуле диспозиции всех 9 видов городских юрисдик. Так представляет ее значение Копыцкий: «Городская юрисдикция – город в городе, своя судебная администрация, налоговая автономия, возможно привлекать к суду только жителей юрисдикции, как и самого владельца» [14]. Удаляемые правовые взаимоотношения юрисдик города представлены цепочкой взаимоподчиненных «урядов» – властей, отмечены существовавшими в городе до вторжения армии польского короля, на момент зимы 1390 г. Их упоминание чрезвычайно важно для выяснения времени их существования в городе и указания на ошибочность выводов Яна Фиалка и Владислава Семковича, в документе, касающемся в том числе и берестейского воеводы Костко (1388 г.), считавших документ № 14 (от 26 июля 1388 г.) поддельным [15]. Юрисдикции города были следующие: воеводы (palatinorum), каштеляна (castellanorum), старосты (capitaneorum), сотского (сотника) (voievodorum), бурграфия (burggraborum), судьи (iudicum), подсудка (subiudicum), тиуна (officialium) и ввозного (ministerialium) или децких (dzieczkie), подробно описаны в полной версии работы.

К диспозиционной клаузуле могут быть отнесены такие уточнения – «точнее различных сословий людей христиан ...», что указывает на область распространения нового права. Очень важный момент, подтвержденный этой клаузулой, – воля короля, обращенная ко всему населению, выделяет из всех исключительно христиан. Христиане города были представлены многими этническими сооб-

ществами, среди которых доминируют 4 основных: русские (русины), крещеные литвины, поляки, немцы. Логично сделать вывод о наличии в городе структур, принадлежащих двум основным конфессиям, т.е. все христианское население дифференцировалось на два основных: римско-католический и греко-восточный (русский). Городские жители других нехристианских исповеданий были выведены из области влияния нового права и остались в подчинении старосты. Сведений о других нехристианских колониях в городе: караимов, плененных в войнах татар и турков в источниках по этому периоду не обнаружено. Несколько подробнее необходимо коснуться упомянутых здесь духовных юрисдик. Привилей БНМп от 15 августа не распространялся на начале духовного сословия и юрисдикции, им управляемые. Такие были в Берестье были, имели существенный вес в городе, оказывали влияние на его управление, владели значительными «грунтами», на которых находились церкви, и были «посажены крестьяне, тянувшие к церкви». Документально подтверждено существование на конец XIII в. берестейской церкви святого Петра, однако нет сведений о существовании ее в год магдебургии. Косвенное подтверждение присутствия православного центра следует из привилей 1412 г., где упоминается «огасило», на месте которого либо рядом с ним была поставлена Свято-Николаевская церковь в восточной оконечности центрального острова. Второе значение «огасило» в латинских медиавестических словарях означает «место монастыря старого обряда», т.е. православного. Без серьезного археологического исследования подтвердить локализацию храма пока не представляется возможным. Косвенное доказательство существования Свято-Николаевской церкви и католического костела осуществляется упоминанием «различных сословий людей христиан». Конкретное фиксирование каких-либо католических костелов или каких-либо кляшторных структур на 1390 г. в документах не обнаружено. Первое упоминание существования римско-католического бискупа, относящегося к Берестью, датируется 3 августа 1409 г. По документу из Архива базилики ватиканской библиотеки Св. Петра, обнаруженному Владиславом Абрахамом, по которому Владимирский бискуп Григорий имел спорное дело с претендентом на Луцкую бискупию Свантославом, для разбора которого Папа Александр V назначил Генриха, бискупа Sabiensis. К владимирской бискупии в 1409 г. относились города и местечки берестейского Подлясья: «добра вновь Богом собранные к основанной кафедральной церкви Владимирской на Руси: Владимир, Луцк, Белз, Шембржешин, Берестье, Дрогичин, Сухачев, Crpalitcze, Лучицы, Белин, Парчев, Крешов, Грубешов, Олесско, Красный став, Щекарев» [16]. Из настоящего сообщения Папы Александра V узнаем о составе добр Владимирской бискупии, кафедральный костел которой назван церковью. Предыдущее упоминание католических структур в городе относится к несколько позднему времени, например: привилей Витовта костелу Святого Креста и Успения пресвятой Девы Марии относится к 1412 г.; присутствие францисканских монахов ордена святого Августина относится ко времени после смерти Бируты, передавшей им свой дворец на Угринском острове, т.е. после 1416 г., упоминание костела святой Дороты на Заречье, на месте будущего Палаца бискупа относится к 1437 г.

Так как Привилей распространялся только на христианскую часть населения города, представленную рускими, поляками и немцами, можно заключить, что это относится к православному и католическому обрядам, что не противоречит первоисточникам по этому периоду. Таким образом, он косвенно указывает на существование католической христианской общины уже в 1390 г. Что касается немецкой диаспоры (торговой, ремесленной и военной специализаций) – отнести оную к православному обряду было бы опрометчиво. Витовт имел немцев фортификаторов, артиллеристов, саперов, строителей, католиков по обряду, которых перед своим уходом от правил по своим замкам для укрепления. Немецкие купцы в городе имели свою колонию, которая впоследствии, к XV веку, преобразовалась в улицу Немецкую. Предшественники вышеперечисленных духовных центров и их юрисдикции являются адресами, которые остались в прежней форме управления, т.е. под старым церковным и костельным присудом. Это означает, что, исключив духовные юрисдикции из под влияния права немецкого, Берестье остался городом,

совмещающим несколько прежних христианских правовых конституций: право немецкое и право русское.

К диспозиционной клаузуле относится перечисление преступлений, за которые христиане будут нести ответственность, «за преступления ... степени».

Тут же следует клаузула санкций «кроме этого ... штраф», которая устанавливает дополнительную связь с совершённым преступлением. Кроме ответственности уголовной (самого наказания), наступает еще и ответственность материальная (виновный должен был платить штраф). Уровень штрафа, как одной из главных характеристик немецкого права, дополнительно не оговаривается. Таким указанием, возможно, король Владислав намеревался, кроме введения для города «града» вольта и права писанного, извлечь дополнительную финансовую выгоду в пользу скарба коронного.

К той же клаузуле относится упоминание редкого для этого времени правового термина – защитник: «в присутствии их защитника, который на тот момент был бы». Вместе с наделением города немецким правом, впервые на Литве, южной и юго-западной Руси, в перечисленных ниже примерах упомянут правовой термин защитника, т.е. адвоката, присутствующего на вольтовском суде. Акты магдебургий этого периода – явление, скорее, исключительное, чем повсеместное и системное, выданных в относительно одно и то же время с берестейским, такой правовой категории не предусматривают. Это касается привелеев:

г. Саноку, данного при Болеславе (Юрии II) Тройденевиче в 1339 г.,

г. Львову в 1356 г., дарованного кн. Любартом,

г. Каменцу-Подольскому в 1376 г., дарованного королем Казимиром,

г. Вильно, 22 марта 1387 г. со старостинским судом, дарованного Владиславом-Ягайло,

г. Перемышлю 1 октября 1389, дарованного королем Владиславом-Ягайло,

г. Ковно, после пожара в 1408 г. дарованного Александром-Витовтом,

г. Луцку в 1432 г., дарованного королем Владиславом-Ягайло.

Главной клаузулой диспозиции, изложения основного текста, является часть привелея «Войт отвечает перед нами ... право немецкое тевтонское ... предписывает и требует». В берестейском случае фигура вольта ключевая, т.к. он одномоментным королевским актом от 15 августа заменил сразу все судебные организации разного уровня и подчиненности, уже упоминавшиеся ранее 9 юрисдикций города. Упраздняя 9 городских присудов, привелей БНМп, составленный при непосредственном участии судьи Драгона, подсудка Креслава и канцлера Заклики, заменил присуды одним судом – вольтовским. Этот суд рассматривал дела по указанным преступлениям. Вольтовство на конец XIV в. являлось одной из самых главных характеристик немецкого права в Польше, приобретая различные формы. Как замечает Владимирский-Буданов, «оно определило всю дальнейшую судьбу этого права, т.е. история немецкого права в Польше есть история тех форм, которые принимал институт вольтовства» [2, с. 496], при том что в ВКЛ «перешло не само право, а его результаты» [2, с. 495]. В свое время столице Польши в жалованной грамоте г. Кракову на Магдебургское право было сказано: «Обещаем вольтам и всем гражданам, что не поставим над ними никакого высшего вольта, ни специального, ни генерального» [2, с. 508]. Персона вольта подбиралась скрупулезно, исходя из осуществляемых им функций. За эту работу он получал солидное и обильное вознаграждение (судебную пошлину), составлявшее преобладающую часть его доходов [2, с. 497]. Ее величина в документе не устанавливается. Однажды поставленный вольт имел право свою должность передать, завещать, даже продавать. В результате таких действий должность вольта стала отчуждаемой не только своим, но и чужим лицам. При появлении у города назначенного вольта вся судебная власть делилась между королем и вольтом, самой главной обязанностью которого был суд. Король уступал ему право на суд городской, иначе называемый низшим [2, с. 502], а себе оставил право суда высшего, т.е. осуждение на смерть и суд между лицами различных категорий. Судебная власть в пределах города составляла существенную основу городской самостоятельности, что образовывало сферу полно-

мочий городского самоуправления. На вольта распространялось одно обязательное условие, по которому он, в подчиненном ему округе, непременно должен был быть ленным владельцем. Вольты управляли измерением земли, процессом осадничества (колонистов) и т.д.

Имя берестейского вольта неизвестно, но логично предположить, что это был человек из первой десятки приближенных ленных дворян короля, тем более, что как судья и политик он должен был быть даже более мудрым и опытным, чем на удельных землях Польши. Поставленный королем Владиславом (после февральского штурма замка) королевским наместником Берестья Хинч из Рогова в связи с должностью вольта нигде не упоминается. Принятие новых правовых отношений зависимости граждан (мещан) и жителей Берестья от вольта привело к отмене подчиненности своему юрисдикционному начальнику, т.е. переподчинению всех под судебную власть вольта, но всю структуру власти города и замка привелей не отменил, оставив ее в прежнем состоянии. Берестейский вольт, как сказано в документе, «призван будет по нашему письму нашим приложением печати», назначался отдельным королевским указом или грамотой (о таком документе более нигде не упоминается) с печатью короля и был подотчетен королю, который являлся высшей судебной инстанцией. Обязательный признак вольтовства был лавничий суд, о котором во время первого привелея в городе не сообщается. Райцы (*consules* иначе *scabines*) и бурмистры (*proconsules*) появятся позже, в привелее короля Александра 1505 г. и через почти 50 лет их упоминание появится на печати лавничего суда города в Привелее на М.п. от 1554 г.

Следующим важным пунктом в клаузуле диспозиции (т.е. основного смысла документа), является донация (наделение, пожалование) 60-ти ланов франконских, т.е. франконской меры. Наделение города землей являлось дальновидным шагом. Вся структура власти в городе была разрушена: кто-то ушел с Витовтом, кто-то погиб при защите, кто-то был императивно лишен наиболее значимых должностей, кто-то попал в тюрьму, тем самым освободив определенные земли в городе, на островах и вокруг него на предместьях, что служило предметом рядовой раздачи земель, к привелею не относящихся. Город наделялся новыми отмеренными и уже раскорчеванными землями. Наделение землей города означало создание новых хозяйств, привлечение новых колонистов, осадников и в подчинение последних – невольников. Текст сообщает о 60-ти ланах грунта «*denno mensurandum ac etiam extirpandum* [13, S. 289]», что означает – вновь измеренных и тоже раскорчеванных. Локализовать королевские ланы помогает их упоминание в «Описании» 1566 г. Они тянулись широкой полосой в западном направлении от границы городских грунтов до дер. Козловичи. «На уход сонца боком от границы владычной и земель в отмене даних тому ж владыце, на полудне концами от места Берестейского и од пашни Рубиновского дворца, на заход боком од пашни того ж дворца, и од фолварка месцкого Козловского и от земель пана Тишкевичових, на пулноч концами от земель пана Тишкевичових и земель владычных» [17, с. 223]. Упомянутый здесь «Тишкевич» – берестейский воевода (с 1566 по 1576 гг.) Юрий Васильевич Тышкевич, получивший земли в ознаменование победы одержанной в московской войне 1564 г.

Недостаток таких записей земельных донаций состоит в том, что нет точной локальной привязки к местной топонимике, поэтому можно определить лишь их относительную локализацию и район города, где это происходило. Стоит заметить, что последующие привелеи городу давались уже с упоминанием ясно и достаточно подробно описанных местных топонимов. Так было в 1408 г., когда Витовт подарил городу саму дер. Козловичи, и в 1412 г. достаточно точно описаны две линии на центральном острове, этим же документом «прирезана» земля в районе реки Риты, а также пожалованы были деревни Бульково, Радваничи, «Шебрин с Тельмово рошцей». Это может быть объяснено тем, что в 1390 г. всей донацией распоряжались из Кракова, во всех остальных приведенных случаях из Вильно, за печатью Великого князя Литовского Витовта.

Осталось выяснить количественную меру полученной земли. Обратившись к работе «О ланах в Польше в средние века» Ф. Пеко-синьского [18, с. 53], выясняем, что указать точное количество моргов во франконском лане было проблемой уже в 1566 г., что выявил

Станислав Гжепский. За ним к такому же выводу пришли Янушовский в 1600 г., Теодор Завачкий в 1619 г., Якуб Хаур в 1679 г., Ян Гаворский в 1775 г., Тадеуш Чацкий в 1803 г. Рассуждения по берестейскому вопросу касаются лана, указанного в привелее, т.е. франконского или немецкого.

Исследованием Пекосинского установлено 9 различных мер лана франконского или немецкого или большого лана. Величина его принята 43,2 морга, у Чацкого величина лана немного меньше и равна 40 моргам [18, s. 58-62]. Франконским ланом в XIII-XIV вв. измеряли отводимые земли городам, монастырям или селам. Общая площадь наделов по привелею короля Владислава от 15 августа 1390 г. и отведенная городу составила $60 \times 43,2 = 2592$ морга, в более привычных единицах – $2592 \text{ морга} \times 0,5985 \text{ га} = 1551,3 \text{ га} = 15,51 \text{ км}^2$. Остальные польские ланы являются производными от франконского, были значительно меньше его (на половину, на четверть и т.д.), т.к. были фиксированы позже, когда стал ощущаться дефицит земель рядом с поселениями, в связи с этим стали уменьшать саму меру лана. Приравнять франконский лан (по привелею 1390 г.) к волоке («Описания» 1566 г. [17]) у нас нет оснований, несмотря на то, что многие авторы сходятся во мнении, что со временем, в XVI-XVII вв., лан сравнивался с волокой и был принят равным 30 моргам. Это справедливое заключение, но для более позднего времени, т.е. XVI-XVII вв. В нашем случае принимаем размер лана равным 43,2 морга. Подтверждением величины служит «документ XIV в. с описанием лана франконского, находящееся на последней странице рукописи № 182 из Ягелонской библиотеки» [18, s. 61], времени короля Казимира Великого (†1370 г.) и показывающий аналогичную величину 43,2 морга.

В связи с этим необходимо сделать небольшое замечание. Упоминаемые волоки в «Описании Берестейского староства», измеренные еще в 1554 г. Н. Нарушевичем и франконские ланы из привелея 1390 г. имеют различные значения. Значит, при неизвестном пока пожаловании М.п. городу либо другим документом после 1390 г., была изменена размерность лана, т.к. по «Описанию» она дается в привычных литовских мерах: прутах, моргах, волоках. Особый документ, по которому бы перераспределялась разница грунтов, полученная приведением единиц к одному измерению (лан франконский и волока литовская), в городских привелеях не упоминается. Такая разница составила бы $43,2 - 30 \times 60 = 79,2 \text{ морга} = 47,4 \text{ га} = 0,47 \text{ км}^2$.

По меркам того времени, считая лан 43,2 морга, городу пожалована была громадная площадь. Потенциал, сокрытый в ней, был оценен и дал практические результаты только к началу правления Казимира Ягелончика, т.е. к 40–50-м годам XV в.

Следующие два важных пункта клаузулы диспозиции, открывают количественную характеристику финансовой стороны привелея БнМп. Привелей, данный королем Владиславом-Ягайло, кроме исполнения политических целей, имел не менее важный экономический эффект. Эффект от этого мероприятия был огромен, политический – для короля, экономический – для города. Город, получивший дополнительно большие площади, был вынужден привлечь тысячи осадников, колонистов разных национальностей для обработки земли, что привело к динамичному развитию не только сельского хозяйства, но повлекло за собой рост практически всех составляющих жизни города.

Немаловажный момент содержится в клаузуле диспозиции и касается еще одного документа, прилагаемого к основному привелею БнМп, документа о величине и виде оплаты. Плата за пожалованные ланы в фертонах была установлена, как пишет привелей, «особым письмом». Какова судьба этого письма, неизвестно, в дальнейших привелеях городу этого вида он не упоминается.

Из текста привелея следует, что срок уплаты податей установлен к празднику Св. Мартина, который, является праздником непременным, т.е. постоянным, отмечавшимся 11 ноября. Именно к этому дню была привязана уплата налога, составляющего сумму 720 грошей, что равно 12 коп грошей. Форма оплаты указана в фертонах. Фертон – не денежная, счетная единица, равная четверти счетной гривны (48 грошей) [19]. Название ее было различное, *ferlon* – в немецком, *wiardunek* – в польском. Вначале *ferlon* – весовая единица, составляющая $\frac{1}{4}$ счетной гривны (марки), составлял 6 скойцев. С 1-й

половины XIII в. известен в Польше как *ferro polonicalis*, приравнивающийся к 12 грошам [20]. В этом счете фертон оставался длительное время. Проиллюстрировать монетарную составляющую этого документа можно на основании «Книги расходов двора короля Владислава и королевы Ядвиги» за февраль – май месяцы 1390 г. Из рассмотрения этого источника видно, что в хождении было много денежных единиц: «талер, грош широкий, гривна, марка, фертон, скоец, грош, денар» [21].

Клаузула корроборации, со сведениями о подтвердительных знаках, завершает протокол собственно содержания документа. Она представлена предложением «За этим, печать нашу привешено, которая является подтверждением привелея». Клаузула привычной формой утверждения документа называет способ утверждения – поставление печати.

Поиск изображения печати открыл 4 известных типа королевской печати. Две из них соответствовали времени выдачи берестейского привелея, на кустодиях ставились на белый, зеленый, красный воск. Обе печати относятся к 1388 г.: малая королевская печать и большая королевская печать. Малая печать имеет щит, разделенный крестообразно, поддерживаемый ангелом, в каждом из полей герб. Надпись по окружности с контракциями (сокращениями) следующая «Владислав король Польский, литовский, правитель пан и наследник русский», диаметр ее 28 мм. Как видим, полный титул короля и упоминание 7 земель отсутствует. Здесь же уместно заметить, что Галицкая Русь была присоединена в походе Ядвиги и Витовта с 22 февраля по 2 марта 1387 г.

Вторая – большая королевская печать, диаметром 122 мм, исполнена в стиле готики, на которой Владислав сидит на резном троне, с правой стороны от него (геральдически) бискуп Лаский. На печати изображено 7 полей с гербами, по окружности имеется надпись интитуляции короля Владислава. Гербы следующие – (по час. стрелке): Литовское княжество, Сандомирская земля, Добринская земля, Львовская земля, герб одновременно обозначающий 3 земли (Серадскую, Ленчицкую, Куявскую, представленные одним геральдическим изображением – полуорел с полуволком – различающиеся только цветовым решением), Померанская земля, земля Краковская. Проверка тождественности интитуляции короля на документе привелея с его титулом на изображении AGAD, обязаны сделать замечание. По неизвестной причине из надписи интитуляции короля удалена надпись *RUSSEI[UE]* – земель Русских. Так как текст по окружности из-за малого разрешения читается с трудом, чтобы избежать ошибок, воспользуемся его аналогом из издания Воссберга [22]. Принимая за достоверный текст печати вариант AGAD и расшифровку ее по Воссбергу, проведем краткое сравнение.

Рис. 3. Большая королевская печать короля Владислава-Ягайло. 1388 г. [24]

Опуская контракции в словах (вариант AGAD, Vossberg), обнаруживаем несовпадения в 10 словах. 11-я неточность касается слова RUSSIAE. Обобщим их, указывая что привелей БнМп содержит следующие обнаруженные неточности, выделенные жирным шрифтом:

- в слове *gratia* «с» заменено на «t»;
- несвойственное латинскому языку написание в нескольких местах слов правой группы, начинающихся не с «j», а с «i» (*ius* и *ius*);
- в слове *teragum* пропуск одной из сдвоенных литер «г», в слове *sigilpatat* пропуск одной из сдвоенных литер «i»;
- в клаузуле подписей имена подписавших привелей Рады коронной написаны с польской литерой «k», не применяемой в латинском написании. Это касается слов: *Kmuetka*, *Krzeslao*, *Zakuze*, *dzieczkie*;
- все окончания земель в варианте AGAD с окончаниями «ie» (существительное, род. п., ед. ч.) Литвы, Кракова, Руси и т.д., а в тексте привелея с окончанием «iae» (прилагательное, род. п., мн. ч.) Литовских, Краковских, Руских.

Присутствие такой большой группы опечаток свидетельствует о том, что Довнар-Запольский пользовался уже некачественно переписанным списком привелея, но не оригиналом.

Исчезновение в титуле короля топонима «Руси», а также вышеперечисленных опечаток из текста «Актов» Довнар-Запольского может быть объяснено несколькими причинами.

1. Берестейский привелей составлялся малоученым писарем канцлера Заклики, т.е. произошла техническая оплошность при его изготовлении. Это сложно допустить, т.к. канцлер Заклика был высоким профессионалом и структура, руководимая им, выполняла королевские приказания, чему соответствовал и уровень их исполнения. Предположение о не включении слова «RUSSIAE» в текст привелея БнМп выглядит невероятным, потому что документ проходил несколько стадий проверки. Однако вместе с тем в этом документе сочетается много анонимных посылов и безымянных обращений, особенно в средней части формуляра, которых нет ни в одном из других подобных документов. Без аутиентика это допущение прояснить не представляется возможным.

2. Вписание привелея на М.П. 1390 г., как составной части привелея на М.П. 1554 г., в XXXV книгу Литовской Метрики за 1551–1558 гг. [10] осуществлено из документа Жигимонта II Августа 1554 г., с внесением ошибок и далее их автоматическим дублированием без проверки. Вероятно, текстом этой копии пользовался Довнар-Запольский.

3. Ошибка могла быть внесена в 1596 г., когда по распоряжению Л. Сапеги была начата работа по переписке всей Метрики Литовской. Через некоторое время завершилась переписка всех книг, с сохранением в Троках оригинала, а в Вильно (в скарбе) копии.

4. В 1777 г. по постановлению Сейма Метрика с виленской копии переписывалась последний раз, эта копия образовала Варшавский экземпляр М. Литовской. Предположить, что Довнар-Запольский пользовался варшавской копией Л.М., находясь в Санкт-Петербурге, т.е. шел по пути наибольшего сопротивления, не имеет смысла.

5. Ошибка могла произойти во время копирования документов для издания Ю.И. Крашевского «*Obrazy z podróży i życia*» в 1840–42 гг.

6. Необъяснимая техническая ошибка произошла при издании «Актов» Довнар-Запольского в 1899 г. Зная скрупулезный и научный подход к изданию актов, этот вариант менее всего может служить причиной неточностей.

Большая королевская печать (тронная), оттисков которой известно около 60, привешивалась под документами различного содержания. Как пишет Хуберт Вайс, «она использовалась для засвидетельствования документов долгосрочных (*wieczystych*)». Подвешивание печати под документом было явным знаком, подтверждающим аутиентичность и достоверность документа, а также нерушимость содержащихся в нем постановлений. В документах короля Владислава эта печать упоминаема как «печать нашего трона» [25]. В привилее БнМп она называлась «наша печать».

Здесь же сделаем замечание по поводу еще одного упоминания удостоверительного знака. Оно относится к месту в тексте привелея, говорящем о поставлении войта, «нашим письмом с нашим приложением печати». В этой фразе речь идет не о большой королевской

печати, на том основании, что документ частного характера и касался только одного человека. Для таких случаев канцелярия и король пользовались малой печатью, описанной в начале этого пункта.

Заключительная часть формуляра документа состоит из двух клаузул: датации и подписей.

Клаузула датации представлена фразой: «Дано в Кракове в самый день Успения Пресвятой Девы Марии, Лета Господня 1390 г.». День Успения пресвятой Девы Марии (*Assumptionis Mariae Virginis gloriosae*) в 1390 г. (год 13 индикта) приходился на понедельник 15 августа [12].

Следующая, стандартная клаузула документа, – клаузула подписей. Документ подписан на собрании с одобрения присутствующих «многих других подданных», шесть коронными дигнитариями. Какого рода было это собрание: сеймик, сенаторское вече, съезд, специальный сбор по поводу именно этого события, в привилее не оговаривается. Исследованная литература [26] с 1388 г. по 1402 г. не сообщает ни о каких мероприятиях подобного рода за исследуемый год. Подписанный ими документ составлен канцеляристом (канцлером) короля Владислава Закузой (*Zakuze*). Личность канцлера Закузы иначе Заклики, легендарная. При нем, его трудами и способностями начала создаваться королевская канцелярия, которой ему выпало заведывать. Подписи самого каноника нет, но документ, как говорит текст, «составлен рукой уважаемого Закузы двора нашего канцлера верного избранника».

Для лучшего уяснения политических, административных, духовных, ленных связей членов Рады коронной, подписавших привилей с королем Владиславом, представим лапидарные сведения из их биографий.

Спытек (*Spichlone*, вероятно, ошибочное написание, должно быть *Spikone*) **II из Мельштына**, герба Лелива, дворянин, доверенное лицо Ягайло, (род 1364 – †12(16) августа 1399 г.). Краковский воевода с 1384 г., с 1387 г. подкоморий краковский, в феврале-марте 1387 г. вместе с Витовтом сопровождал королеву Ядвигу в походе на Львов [27], с 1389 г. каштелян краковский. Член Рады коронной. Спытек, как главный сторонник соединения, вместе со своими братьями Яном из Тарнова и Спытком из Тарнова, представлявшими Польшу, подписал Кревскую унию в 1385 г., в том же году принимал участие в матримониальном процессе королевы Ядвиги и Вел. князя Литовского Ягайло. Сестра Спытка, Ядвига – крестная мать короля Ягайло при его крещении [28]. В 1395 г. получил в ленную собственность Подол, «не смотря на протест Ядвиги и влиятельных мужей Польши» [29]. Погиб на Ворскле в 1399 г. Его гибель, не единожды, была основным аргументом польской делегации, при инкорпорации Подола в Польшу, в правление короля Казимира Ягелончика.

Кмита (*Kmiećka*) **Петр**, (род 1348 г. – † 1409 г.), второй наиболее известный шляхтич из рода Кмитов, герба Шренява. Его отец Ян, генеральный русский староста владел замком Виснич, от чего его сын Петр унаследовал этот титул и стал писаться «Кмита на Висничу». С 1385 г. по 1401 г. занимал должность люблинского каштеляна. Во вторую войну Ягайло и Витовта принимал участие в подготовке военного похода зимой 1390 г. С 1391 г. по 1398 г. староста Санокский. Люблинскую каштелянию сменил на сандомирское воеводство, где пробыл до 1406 г., далее в 1406–1409 гг. воевода краковский [30].

Драгон (*Drago*). Член Рады коронной, приближенный короля Владислава. С 1374 г. по 01.06.1375 г. староста Сандомирский, далее в его карьере, он с 1380 г. староста бечских замков, 1390 г. судья краковский. Участвовал в походе Ядвиги на Галицкую Русь с 22.02.1387 г. По 02.03.1387 г. [27]. Староста бечский с 1380 г.

Креслав (*Krzeslao*) **из Курозвек** (†1392 г.). Польский шляхтич герба Порай. В документах писался как Креслав из Ходова и Курозвек. Сын краковского каштеляна Добеслава, брат Завиши Курозвецкого. С 1375 г. каштелян соңдецкий, с 1384 г. сандомирский, 1387–1389 гг. староста Генеральный Великопольши, с 1388 г. староста луцкий. Имел 4 сыновей: Яна, Добеслава, Николая, Хенрика от жены Малгожаты. В 1390 г. исполнял обязанности подсудка краковского [31].

Пасек (*Paschone*), каштелян бечский, герба Долива. Доверенное лицо короля Владислава, член Рады коронной, принимал участие в подтверждении привелея БнМп. Ветеран казимировых войн, с конца XIV в. (1390 г.) каштелян бечского замка. Беч (*Biecz*), пограничный замок-крепость на юге краковской земли в Малопольше, расположенный на реке Ропа, частое местопребывание Владислава-Ягайло и королевы Ядвиги. Пасек управлял бечским замком более 30 лет. В 1400 г. в замке, в королевском дворце прошел съезд приближенных

короля Владислава-Ягайло, где принято решение о втором браке Владислава, после смерти Ядвиги [32], за помощь королю каштеляну бечскому Пасеку, была пожалована должность хорунжего краковского. В 1392 г. король пожаловал село Жабно малое в районе Mosienski [33].

Димитр (Dimitrio) из Горая, (род 1340 г. – † 1400 г.), польский влиятельный дворянин и государственный деятель, герба Корчак. Русин, выходец из Галиции, в 1364 г. назначен на должность королевского казначея (подскарбия). С окончанием войны и смертью Казимира Великого, ушел на покой. Недолго пробыл в тени и в 1377 г. участвует в походе на Белз против Литвы. За этот поход получил замок и город Горай, а также должность коронного подскарбия.

Рис. 4. Димитри из Горая. Ян Матейко, 1881 г. [34]

Во время сватовства Ядвиги был ее опекуном. Длугош, (в эпизоде сватовства), о нем пишет так: «в 1385 г., когда князь Ополчич – сторонник Вильгельма Габсбургского занял Вавельский замок в Кракове, Ядвига рубила топором ворота, чтобы уехать с Вильгельмом. Димитр из Горая удержал королеву». После войны с Витовтом стал королевским маршалком (близким доверенным придворным Владислава). В 1390 г. стал королевским маршалком [34].

Некоторые персоны, подписавшие привелей БНМп, перечислены не в соответствии со своими должностями, без соблюдения субординации. Состав подписантов, перечисленных выше, напомним еще раз, следующий: один воевода, два каштеляна, коронный подскарбий, судья и подсудок. Правовое поле при выдаче документа представляло все виды власти: королевскую, военную, административную, судебную, финансовую, что свидетельствует о высокой правовой образованности Рады коронной.

Привелей БНМп – достаточно полная и совершенная юридическая конструкция, но с очевидными и необъяснимыми в нескольких местах упущениями. Это касается, в первую очередь, берестейской конкретики. Ни в одном из ранее упомянутых документов предшествующих и последующих магдебургий нет подобной анонимизации. Берестейский привелей, в отношении войта и защитника, персонально дан никому. Нет никакой привязки к местной микротопонимике в клаузуле отвода 60 ланов. Это можно объяснить следующим образом. Берестейский привелей том виде, который представлен в «Актах» Д.-Запольского, был своего рода шаблоном, который мог быть при необходимости заполнен другими персоналиями. Это означает, что король Владислав не был уверен в стабильности своего нового приобретения, не знал, как поведет себя население. Город, даже после наделения его М.п., являлся очагом беспокойным, требующим к себе внимания особенного, по этой причине вопрос главы города – войта мог оставаться открытым. Еще один неразрешенный

вопрос – адрес налога. Как известно, с каждого из 60 ланов было предписано взимать фертон (12 грошей). Что давало в год к Св. Мартину 720 грошей или 12 коп грошей литовских. Деньги большие по тому времени, оказывается, не были конкретно кому-то адресованы. Куда шел налог? Это интересное обстоятельство (на ратушу или на замок) продолжалось до привелея городу Жигимонта II Августа, пожалованного в 1554 г., что подробнее рассмотрено несколько ниже. То же обстоятельство (адресности налога) может быть прояснено исследованием исторической подложки событий в начале 1390 г. Берестейский замок, как и другие витовтовые города, штурмовали войска короля, приведенные им в Литву «в Короне быстро собранные» во главе с Хинчем, но не войска Великого князя Литовского Скиргайло. Это обстоятельство дает основание предположить, что король не собирался за счет Польши своему леннику Скиргайло, делать такие подарки. С целью вывода занятых витовтовых городов из под власти Великого князя и временной подчиненности королю над завоеванными городами был установлен временный королевский протекторат. Поэтому вполне вероятно, что с февраля 1390 г. по 5 августа 1392 г. (дату Островского соглашения) город напрямую подчинялся королю, и плата за ланы уходила в скарб коронный. За эти 2 года не опубликовано ни одного документа, указывающего на подчиненность города Литве. В середине 1392 г. король Владислав понял что произошло по его недооценке потенциала Витовта. Именно поэтому Островское соглашение имеет совсем иную интонационную окраску, более сентиментальную, не обращенную ни к кому конкретно. «Старый змей не так давно выпустил давний яд между верховным правителем Владиславом королем Польши и прославленным братом и приятелем нашим, наиболее влиятельным (Витовтом)» [35, S. 959]. Здесь же предыдущие события называются «ужасные споры с течением времени усугубились», сам Ягайло высказывается осуществить «намерения, которые несут мир, а не бедствия, чтобы потушить пламя ненависти со всех сторон» [35, S. 960, dod. 2]. Исходя из этих слов короля, реально предположить, что, начиная с 5 августа 1392 г., коронная казна денег за берестейские ланы уже не получала, пользовавшись городом около 2,5 лет. С возвращением Витовту пока только титула Великого князя (какого княжества?, и это не случайно, т.к. Скиргайло был еще в силе и при должности) постепенно была заменена военная и гражданская администрация в городе. Хинч из Берестья исчезает и больше имя этого временного воеводы в качестве наместника в связи с Берестьем не упоминается. В 1404 г. Хинч упоминается каштеляном розперским, «за заслуги и суммы, выделенные скарбу, жалуюм пожизненно замок и обвод крепичий» [36]. В берестейском замке (в 1392 г.?) появляется литвин (крещеный жмудин?) воевода Твирбут. С даты Островского соглашения можно отсчитывать время витовтовой администрации, при этом налог, установленный привелеем, вернулся на «врад» города.

Привелеем 1390 г. (неоднозначной политической мотивации) короля Владислава Ягайло рускому г. Берестью был отдан приоритет первого города в государстве, на основе которого осуществлялась отработка практической модели для постепенного перевода городов ВКЛ в право городское магдебургское. Привелей давал городу право писанное и единое для всех. В Берестье, разрушенном тем же королем, было дано начало процессу возрождения, превращения трехостровного в основном деревянного города с небольшим замком (на одном из островов) в крупный оборонный, ремесленный, духовный, культурный, сельскохозяйственный центр – в южную столицу Великого княжества Литовского, символические Ворота из Руси в Польшу, в крупный международный транзитный торговый центр, в город-резиденцию Казимира Ягеллончика и проведения сеймов ВКЛ, в город-пионер технических нововведений, резонирующих с самыми современными европейскими достижениями. Начало пути города в правовое сообщество было сложным, неоднозначным, драматичным.

Приложение. Текст привелея первой берестейской магдебургии от 15 августа 1390 г.

«In nomine Domini amen. Ad perpetuam rei memoriam. Wladislaw, Dei gratia rex Poloniae, necnon terrarum Cracoviae, Sendomiriae, Sirdiae, Lanciciae, Cuiaviae, Lithuaniae princeps, supremus Pomeraniae que dominus et haeres etc., significamus tenore praesencium tam praesentibus quam futuris, quibus expediat universis.

Quia cupientes civitatis nostrae Brzestensis conditionem facere meliorem, ut in collatione hominum faelicia suscipiat incrementa, ipsam de jure ruthenico in jus theutonicum maydeburgense transferemus perpetuo duraturum removens ibidem omnia jura polonica et ruthenica et consuetudines universas, (quae) per ipsum jus perturbare consueverunt, eximimus, insuper absolvimus et perpetuo liberamus cives et incolas civitatis nostrae Brzesczie tam theutonicos quam polonos et ruthenos aut cuiuscunque conditionis homines christianos ab omni jurisdictione et potestate omnium regni palatinorum, castellanorum, capitaneorum, voievodorum, burgrabiorum, iudicum, subiudicum, officialium et ministerialium seu dzieczkie eorundem, ut coram ipsis aut aliquo eorum pro causis tam magnis quam parvis, puta furti, sanguinis, homicidii, mutilationis membrorum, incendii et quibusvis aliis citati minime respondebunt, nec aliquas paenas solvere tenebuntur, sed tantum cives et incolae civitatis praedictae tam rutheni quam poloni ac theutonici et quicumque alii coram ipso- rum avvocato, qui pro tempore fuerit.

Advocatus vero coram nobis vel nostro generali iudicio dum tamen per nostram literam nostro sigillo sigilatam evocatus fuerit, tunc non aliter quam jure theutonico maydeburgensi praedicto cuilibet ad objecta respondere sit astrictus. In causis vero criminalibus et capitalibus quibuscunque avvocato praedictae civitatis Brzesczie iudicandi, sententiandi, corrigendi et puniendi damus et conferimus juxta terrae consuetudinem plenam et omnimodam facultatem, prout haec ius theutonicum maideburgense in omnibus suis punctis, clausulis et conditionibus postulat et requirit.

Appropriamus, addimus, insuper adiungimus praedictae civitatis Brzesczie et eius civibus Brzesczie sexaginta mansos franconicos seu laneos agrorum denuo mensurandum ac etiam extirpandum, de quorum quolibet singulis annis in festo sancti Martini elapsa libertate et expirata, quam eisdem civibus specialii litera concessimus, unus fertio grossorum debet solvi more solito et consueto. Harum quibus sigillum nostrum appensum est testimonio literarum.

Actum Cracoviae ipso die Assumptionis Mariae Virginis gloriosae, anno Domini millesimo trecentesimo nonagesimo. Praesentibus Spichlone, palatino cracoviensi, Petro Kmietka, castelano lubliniensi, Drogonuo, iudice, Krzeslao, subiudice cracoviensibus, Paschone, castelano biciensi, et Dimitrio, vicethesaurario nostro, multisque aliis fidelibus nostris fide dignis. Datum per manus honorabilis Zakuze, aulae nostrae cancellarii fidelis dilecti» [11, с. 1].

На заключительном этапе подготовки статьи для сдачи ее в редакцию, рецензентом было предложено ознакомиться с уже имеющимся переводом Привелея 1390 г., выполненным С.П. Стренковским в 2008 г., который ввёл его в полноценный научный оборот, и представленным в издании «Грывілеі і вольнасці» [37]. Благодаря оперативной помощи Ковенько Т.С. и Вирчик В.К., издание было доставлено из Минска по МБА. Полученный текст имеет очевидные достоинства, дискуссионные места и, к сожалению, некоторые недостатки (отсутствие в переводе слов и даже целой клаузулы корроборации, путаницу в персоналиях, вместо 6 стало 5). Исследование текста Привелея в издании не проводилось. Более подробный анализ и сравнение обеих вариантов переводов не является целью настоящей публикации. Ниже по тексту представлен авторский вариант перевода (на русском языке), который выполнялся независимо, как оказалось, от уже существующего (на белорусском языке).

Перевод привелея первой берестейской магдебургии от 15 августа 1390 г.

«Во имя Бога аминь. На вечную память события. Владислав, милостью Божией король Польский, а также земель Краковских, Сандомирских, Серадзских, Ленчицких, Куявских, верховный князь Литовский, наивысший пан и наследник Померанский и т.д., объявляем содержание предназначенное, как нынешним так и будущим, всем кому необходимо.

Так как желая города нашего Берестейского положение сделать лучше, чтобы умножением человеческого благополучия поддержать прирост, самих из права русского в право тевтонское магдебургское переводим навсегда, в то же время будет твердо удалена всякая присяга польская и руская и все обычаи, которые это самое право имели обыкновенные расстраивать, более того отделяем и навсегда освобождаем граждан и жителей города нашего Берестья, как тевтонцев, так поляков и русских, точнее различных сословий людей христиан от всякой юрисдикции и подчинения всякой власти воево-

ды, каштеляна, старосты, сотника, бурграбия, судьи, подсудка, тиуна и возного или децких их же, так, что они сами, либо кто нибудь из них за преступления как большие, так и малые, например: воровство, поножовщины, человекоубийства, нанесение увечий конечностям, поджоги и какие угодно иные, подлежащие суду в малой степени, будут отвечать, кроме этого обязаны будут уплатить штраф, но только граждане и жители города вышеупомянутого как русские так поляки равно как тевтонцы и любые другие, в присутствии их защитника, который на тот момент был бы.

Войт отвечает перед нами или нашим общим собранием, при условии, что призван будет по нашему письму нашим приложением печати, после этого не иначе как правом тевтонским магдебургским вышеупомянутым на обращения каждого отвечать обязан. В случаях же уголовных и каких бы то ни было караемых смертью, должен защищать вышеупомянутый город Берестье, судить, приговаривать, миловать и наказывать, даем и наделяем согласно с обычаем края полной и всевозможной властью, как этого право тевтонское магдебургское во всех своих артикулах, клаузулах и условиях предписывает и требует.

Наделяем, добавляем, кроме того присоединяем вышеупомянутому городу Берестью и его гражданам Берестейским 60 наделов франконских или ланов земли вновь измеренных, а также раскорчеванных, с каждого из которых ежегодно в праздник Св. Мартина заканчивается освобождение от податей и истекает срок, при этом тем же гражданам особым письмом устанавливаем один фертон грошей, который должен быть уплачен, как обычно привыкли и принято. За этим печать нашу привешено, которая является подтверждением привелея.

Дано в Кракове в самый день Успения преславнейшей Девы Марии, лета Господня 1390. Присутствующими Спытком, воеводой краковским, Петром Кмитой, каштеляном люблинским, Драгоном, судьей, Креславом, подсудком краковским, Пасеком, каштеляном бечским и Димитрием, подскарбием нашим, многими другими подданными, нашей веры достойными. Составлено рукой уважаемого Закузы двора нашего канцлера, верного избранника» [37].

Автор выражает признательность О.В. Медведевскому за профессиональные и ценные консультации при переводе текста, а также сайту *ibrest* за предоставление качественного варианта текста Привелея 1390 г.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Bardach. O Litwe dawniey i niedawniey. – Poznań, 1988.
2. Владимирский-Буданов, М. Немецкое право в Польше и Литве // Журнал министерства народного просвещения. – СПб., 1868. – Ч. СXXXIX.
3. Павинский, А.И. Разбор сочинения Владимирского-Буданова // Отчет о присуждении наград графа Уварова. 1870 г. – СПб., 1872. – С. 45.
4. Электронный ресурс: Памятный знак в честь получения Магдебургского права, ул. Советская. – Режим доступа: <http://dariusss.livejournal.com/587983.html>. – Дата доступа: 15.10.2011.
5. Никитчик, А.Д. Первая Берестейская магдебургия. Рукопись (их уже пять: 1390, 1408, 1440, 1495, 1511 гг., т.к. каждый новый король подтверждал предыдущие от своего имени) – С. 20.
6. Паевский, Л. О церквях брестской капитулы. – Гродно, 1888. – С. 48.
7. ВАК. – Вильно, 1870. – Т. 4. – LXIV с. + 616 с.
8. Rozzewski, J.I. Obrazy z podróży i życia. – Wilno, 1842. – Т. I; rozdz. X.
9. Летопись занятий археографической комиссии за 1885-1887 гг. – СПб., 1895. – Отд. IV, Вып. 10. – С. 66–84.
10. Пташицкий, С.Л. Описание книг и актов Литовской метрики. – СПб., 1887. – С. 85.
11. Довнар-Запольский, М.В. Акты Литовско-русского государства. – Москва, 1899. – Вып. 1 (1390-1529) – № 1, С. 1.
12. Горбачевский, Н. Археографический календарь. – Вильна, 1867. – С. 37. (инд. 13, табл. 13).
13. Knapij, G. Latinopolonicus. – Krakow, 1644. – Т. II.

14. Копыцкий, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. – Мн.: Наука и техника, 1975. – С. 34.
15. Codex diplomaticus ecclesiae cathedralis ... vlnensis. – Krakow, 1932. – Т. I. – С. 28.
16. Archiwum komisji historycznej: w 8 T/ Wt. Abracham. – Krakow, 1923. – Ser. 2, T. 1. Archiwum bazyliki watykańskiej Św. Piotra. – S. 59.
17. Документы московского архива министерства юстиции. – М., 1897. – Т. I.: Описание берестейского старства (1566 г.). – С. 222.
18. Piekosiński, Fr. O łanach w Polsce wieków średnich // Rozprawy i sprawozdania z posiedzeń wyd. Hist.-filozoficznego. – Krakow, 1888. – Т. XXI.
19. Горбачевский, Н. Словарь древняго актового языка. – Вильна, 1874. – С. 130.
20. Karłowicz, J. Słownik wyrazów obcego pochodzenia. – Krakow, 1905. – S. 166; (Также см. Czacki, T.).
21. Piekosiński, Fr. Rachunki dworu króla Władysława Jagiełły I królowej Jadwigi. 1388-1420. – Krakow, 1896. – S. 137.
22. Vossberg, F.A. Siegel des mittelalters von Polen, Lithauen. – Berlin, 1854. – S. 11-12, Tafel 7.
23. Баравы, Р. Атрыманьне магдэбурскага права Берасьцем і палітычная барацьба ў Вялікім Княстве Літоўскім на мяжы XIV-XV ст., Беларусь гістарычны агляд. – Т. 1. – Сш. 1 – Лістапад, 1994. – С. 38-54.
24. Электронны документ: [Od-cisk_pieczeci_majestatycznej_Wladyslawa_Jagielly_pid_110265.htm](http://www.dziedzictwo.polska.pl/katalog/slide). – Режим доступа: <http://www.dziedzictwo.polska.pl/katalog/slide>. – Дата доступа: 25.10.2011. Место хранения: Archiwum Główny Akt Dawnych, Zbiór dokumentów pergaminowych, sygn. 36.
25. Электронный документ: [Pieczec_majestatyczna_Wladyslawa_Jagielly](http://dziedzictwo.polska.pl) – Режим доступа: <http://dziedzictwo.polska.pl>. – Дата доступа: 22.10.2011.
26. Pawiński, A. Wiece, sejmniki, sejmy. – Krakow, 1900; Piekosiński, Fr., Wiece, sejmniki, sejmy i przywileje ziemskie w Polsce wieków średnich. – Krakow, 1900; Bandtkie, J.V., Jus Polonicum. – W., 1831.
27. Stadnicki, K. Lubart. – Poznan, 1853. Т. II. – S. 125, dod. 181.
28. Электронный ресурс: [Spytek II z Mielsztyna](http://pl.wikipedia.org/wiki/Spytko_II_z_Mielsztyna). – Режим доступа: http://pl.wikipedia.org/wiki/Spytko_II_z_Mielsztyna. – Дата доступа: 20.10.2009.
29. Baliński, M. Monografia o Spytku z Mielsztyna // Biblioteka Warszawska. – W., 1844. – Sierpień. – S. 271.
30. Электронный ресурс: [Piotr Kmita z Wisnicz](http://pl.wikipedia.org/wiki/Piotr_Kmita_z_Wisnicz). – Режим доступа: http://pl.wikipedia.org/wiki/Piotr_Kmita_z_Wisnicz. – Дата доступа: 15.10.2011.
31. Электронный ресурс: [Krzysztof Kurozwęk](http://pl.wikipedia.org/wiki/Krzysztof_Kurozwęk). – Режим доступа: http://pl.wikipedia.org/wiki/Krzysztof_Kurozwęk. – Дата доступа: 1.11.2011 г.
32. Электронный ресурс: [Pasek](http://pl.wikipedia.org/wiki/Pasek). – Режим доступа: <http://pl.wikipedia.org/wiki/Pasek>. – Дата доступа: 15.06.2010.
33. Wzory pism dawnych. – W., 1839. – Cz. I. – S. 47.
34. Электронный ресурс: [Dymitr z Goraja](http://pl.wikipedia.org/wiki/Dymitr_z_Goraja). – Режим доступа: http://pl.wikipedia.org/wiki/Dymitr_z_Goraja. – Дата доступа: 15.10.2011.
35. Prochaska, A. Codex epistolaris Vitoldi. – 1376-1430. – Krakow, 1882.
36. Электронный ресурс: [Хинч из Рогова](http://dziedzictwo.polska.pl/zoom/zoom_gid_448202.htm). – Режим доступа: http://dziedzictwo.polska.pl/zoom/zoom_gid_448202.htm. – Дата доступа: 22.10.2011 г.

Материал поступил в редакцию 10.11.11

NIKITCNIK A.D., NIKITCNIK T.A. The first Berestejsky Magdebourg. Events and details of reception and history

The certificate of the first Brest Magdebourg right 1390 y. considered as an all-important source in the history of a city. Research of its text gives the chance to reveal as the device of the city existing on the right Russian, and new to reveal the new principles, come the city device with reception of the Magdebourg right. Document, received by a city – the first in territory of modern Belarus, is also the first high-grade legal document. Received in territory of the former grand duchy Lithuanian.

УДК 313.08

Перзашкевич О.В.

К ВОПРОСУ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ РИГВЕДИЙСКОГО ОБЩЕСТВА НА ОСНОВАНИИ ТРАДИЦИОННОЙ ИНДИЙСКОЙ ХРОНОЛОГИИ

Проблема установления абсолютной хронологии ведийского общества и, в том числе, древнейшего из них, ригведийского, является одной из существеннейших в исторической индологии. Вместе с тем сами памятники, как известно, не содержат никаких бесспорных хронологических сведений. Именно поэтому вопросы датировки Вед всегда вызывали живой интерес и дискуссии.

В настоящее время в качестве наиболее распространенных хронологий выступают три. Во-первых, это даты, основанные на индийской традиции сутр; во-вторых, вычисления по данным пуран; в-третьих, это система датировок, предложенная европейскими учеными XIX в., и в первую очередь, Ф. Макс Мюллером [10, с. 572].

Как видно, среди них нет вариантов, основанных преимущественно на археологических данных. К сожалению, данные археологии и на сегодняшний день не могут быть использованы для установления каких-либо надежных хронологических соответствий в Ригведе, в первую очередь, в силу своей крайней неоднозначности [2, с. 434; 4, с. 28-40].

В настоящей работе речь пойдет о датировках ригведийского общества на основе традиционных индийских подходов, т. е. по данным сутр и пуран.

Датировки существования общества, описанного в Ригведе, основанные на сутрах, прежде всего Арьяхаты и Варахамихы, исходят из того, что Веды сложились до того, как наступила кали-юга, и началась описанная в Махабхарате война (кульминацией этой войны стала знаменитая битва при Курукшетре).

Согласно подсчетам аль-Бируни по указаниям Арьяхаты, кали-юга отстоит от времени написания его «Индии» на 4132 г. (Индия, XLIX) [здесь и далее указание дается по 1], т. е. датируется 3102 г. до н. э. [3, с. 14; 6, 646]. Примечательно, что сам аль-Бируни, по какой-то причине, не связывал начало кали-юги с войной Махабхараты. Вследствие этого средневековый ученый определял, что эпоха войны, обозначенная им как пандаво-кала (Индия, XLIX), произошла на 653 г. позже – в 2449 г. до н. э. Эта дата была, вероятно, вычислена по указаниям древнеиндийского астронома Варахамихы. Тот, в своей Брихатсамхите, записал, что царствование Юдхиштыры началось за 2526 лет до начала эры Шака (zakakAla) (BrS 13, 3). Индийская традиция считает войну Махабхараты началом кали-юги. Но 653 г. – это слишком продолжительный срок для того, чтобы считать это время переходным периодом, т. е. временем жи-

Перзашкевич О.В., кандидат исторических наук, доцент кафедры истории древнего мира и средних веков Белорусского государственного университета.

Беларусь, БГУ, 220050, г. Минск, пр. Независимости, 4.